

УДК 340.15:340.12

<https://doi.org/10.33619/2414-2948/119/42>

РОЛЬ ТРАДИЦИЙ И КОЛЛЕКТИВНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЫЧНОГО ПРАВА КЫРГЫЗОВ

©Сайпидинов Б. Р., ORCID: 0009-0009-9178-7745, SPIN-код: 6197-8542, Международный университет им. К. Ш.Токтомаматова, г. Жалал-Абад, Кыргызстан, bakut0280@mail.ru

THE ROLE OF CUSTOMS AND COLLECTIVE CONSCIOUSNESS IN THE FORMATION OF THE KYRGYZ CUSTOMARY LAW

©Saipidinov B., ORCID: 0009-0009-9178-7745, SPIN-code: 6197-8542, International University named after K. Sh. Toktomamatov, Jalal-Abad, Kyrgyzstan, bakut0280@mail.ru

Аннотация. Рассматривается взаимосвязь традиций и коллективного правосознания в формировании кыргызского обычного права. Цель исследования – выявить роль традиций и коллективного сознания в создании и легитимации правовых норм. Методологическую основу составляют историко-правовой, сравнительно-правовой и формально-логический подходы. Автор показывает, что обычаи, закреплённые в общественном сознании, выполняли функцию эффективных правовых регуляторов до появления государственных институтов. Коллективное правосознание выступало ключевым механизмом, обеспечивающим признание и соблюдение норм через общественное мнение, моральные категории и санкции. На примере брачно-семейных институтов, решений биев и народных санкций раскрывается значение обычного права в поддержании правопорядка. Сделан вывод, что кыргызское обычное право представляет собой синтез традиционной правовой культуры, общественного сознания и принципов социальной справедливости. В современных условиях оно требует переоценки как ценного элемента национальной правовой культуры и инструмента укрепления правосознания.

Abstract. The article examines the interrelation between traditions and collective legal consciousness in the formation of Kyrgyz customary law (adat). The purpose of the study is to identify the role of customs and collective consciousness in the creation and legitimization of legal norms. The methodological basis includes historical-legal, comparative-legal, and formal-logical approaches. The author argues that customs, consolidated in public consciousness, functioned as effective legal regulators long before the emergence of state institutions. Collective legal consciousness served as a key mechanism ensuring the recognition and enforcement of norms through public opinion, moral values, and social sanctions. Using examples from marriage and family institutions, decisions of biis, and community sanctions, the article reveals the significance of adat in maintaining public order. It concludes that Kyrgyz customary law represents a synthesis of traditional legal culture, collective consciousness, and principles of social justice. In modern conditions, it requires reassessment as an important element of national legal culture and a tool for strengthening civic legal awareness.

Ключевые слова: обычное право, традиции, коллективное сознание, правосознание, правовая культура, легитимность, социальная справедливость.

Keywords: customary law, traditions, collective consciousness, legal awareness, legal culture, legitimacy, social justice.

Обычное право является одним из древнейших общественных феноменов в истории человечества, сформировавшимся задолго до появления государства и письменных законов. В античную эпоху эллины употребляли термин «законы предков»; аналогичные представления существовали в Древнем Египте, Китае, Индии, а также у кочевых народов, где именно обычай выступал основной правовой формой регулирования общественного поведения. Кыргызское обычное право также возникло в подобных условиях как продукт общественной необходимости, закреплённый в устных традициях передаваемых из поколения в поколение, выполняя функции главного правового института в регулировании социальных отношений.

В качестве источника обычного права традиции рассматривались как совокупность норм поведения, обладающих юридической силой, признаваемых обществом и применявшихся в повседневной жизни. Коллективное сознание, в свою очередь, представляло собой уровень общего восприятия людьми права, справедливости, наказания и иных категорий. Взаимосвязанное развитие этих двух феноменов явилось одним из ключевых детерминантов формирования кыргызского обычного права.

Актуальность исследования определяется тем, что осмысление места и потенциала обычного права в современной правовой системе способствует развитию правосознания и укреплению правовой культуры. Цель статьи - выявить взаимосвязь обычаев и коллективного правосознания в формировании кыргызского обычного права, а также определить их влияние на правовую легитимность. Предмет исследования-кыргызские традиции и функции коллективного правосознания в их правовой природе.

Обычное право представляет собой совокупность норм поведения, признанных обществом, прошедших проверку исторической практикой и обеспеченных правовой санкцией. Оно закреплялось в общественном сознании людей и рассматривалось как проявление общих правовых убеждений. Кроме того, многие исследователи данного направления отмечают, что обычное право формировалось самостоятельно и обладало общеобязательным характером без непосредственного участия государства. В XIX веке традиционное право под названием «адат» выступало основным регулятором общественных отношений в кыргызском обществе, охватывая практически все сферы жизнедеятельности кыргызов. Таким образом, «понятие обычного права трактовалось как совокупность правовых норм, возникающих на основе повседневных отношений, независимых от высшей власти и обладающих обязательной силой в общественном сознании» [1, с. 41].

В правовой истории кыргызского народа традиции сформировались как первоначальные и основные источники обычного права, играя значительную роль в регулировании общественных отношений. Они обладали правовой легитимностью, передавались устно из поколения в поколение и закреплялись в форме кратких изречений, пословиц и поговорок. Нормы обычного права представляли собой устные наставления, правила и поучительные изречения, которые должен был знать каждый бий, аксакал, глава рода или айыла. По своему содержанию обычаи различались в зависимости от региона, что было обусловлено особенностями образа жизни, социально-экономическими условиями и культурной спецификой.

В правовой теории признание традиций в качестве источника права осуществляется на основе следующих критериев: ясность и прозрачность традиции (она должна быть понятна и однозначна внутри общества); устойчивость традиции (ее непрерывное применение на протяжении длительного времени); общепризнанность традиции (широкое признание и поддержка со стороны общества); санкционированность традиции (ее применение и закрепление в официальной или неофициальной форме со стороны власти или общества).

В кыргызском обществе традиции служили эффективным средством поддержания социального порядка и выполняли роль принципов, регулирующих поведение людей ещё до появления государственных законов. Они основывались не на индивидуальном, а на коллективном правосознании, поскольку поведение человека определялось установкой «что скажут люди?». Это выступало одной из форм механизмов самоконтроля внутри общества. По данным историка и этнографа С. М. Абрамзона, в конце XIX – начале XX века в системе брачно-семейных ценностей кыргызов практиковались такие обычаи, как левират, сорорат, умыкание невесты, заключение брака с выплатой калыма, а также формы «бешик куда» и «кайчы куда» [2, с. 164–165].

В современном обществе кыргызов институт левирата и традиция «бешик куда» практически исчезли, при этом преобладающей стала экзогамная форма брака, а в семейных отношениях продолжала сохраняться патриархальный уклад [2, с. 386].

По мнению А. Кочкунова, брачно-семейные традиции кыргызов реализовывались в следующих формах:

Брак с выплатой калыма (заключение брака по предварительному согласованию и выплатой калыма);

«Бел куда» (родители договариваются о браке детей ещё до их рождения или в раннем возрасте);

«Бешик куда» (обручение детей, находящихся ещё в колыбели; нередко часть калыма выплачивалась заранее);

«Кайчы куда» (родственники со стороны невестки женятся на девушке из рода её родителей, обеспечивая «перекрёстное» родство);

Левират (женитьба на вдове брата для того, чтобы дети умершего не остались без попечения и не перешли в род матери при её новом браке);

Сорорат (брак с младшей сестрой жены, когда она становится женой мужа своей старшей сестры, чтобы заботиться о её детях);

«Сөөк куда» (заключение брака внутри рода с целью не допустить ослабления родственных связей);

Ала качуу (умыкание невесты в случае несогласия родителей или по иным причинам, с последующим заключением брака);

«Күч күйөө» (если жених не имел возможности выплатить калым, он переселялся в семью жены и становился её членом) [3, с. 53].

В институте брака и семьи по нормам обычного права свобода воли девушек была ограничена. Их судьбу, как правило, определяли родители или ближайшие родственники по линии отца. Широко распространённые выражения «Кымызды ичкенге, кызды сураганга бер» (Отдай дочку за того, кто просит. Дай кумыс кто жаждет), «Кыз бала бирөөнүн бүлөсү» («Девушка принадлежит другой семье») являются ярким подтверждением данного положения. Вместе с тем нормы обычного права запрещали заключение брака при наличии близкого родства по отцовской линии, при наличии психических или иных неизлечимых заболеваний, а также в случаях социального и имущественного неравенства сторон.

Свадебные торжества и связанные с ними традиции отличались большим разнообразием и имели региональные особенности. Однако основные структурные элементы брачного обряда оставались неизменными: сватовство (куда түшүү), выплата калыма за невесту, предсвадебные встречи (күйөлөө или күйөлөп баруу), совершение религиозного брачного обряда (нике), а также свадебное торжество (той).

На специальных собраниях биев часто рассматривался вопрос калыма. Так, на курултае кыргызских и казахских биев, состоявшемся 15 марта 1908 года, был принят Эреже,

регулирующий данный вопрос. В частности, если человек, заключивший соглашение о браке, отдавал свою обручённую дочь другому лицу, он обязан был, помимо уже полученного калыма, выплатить дополнительно 18 голов различного скота. В случае смерти обручённой девушки до достижения брачного возраста её отец должен был выдать в жёны другую дочь, а если дочерей у него не было, то он возвращал лишь две трети полученного калыма. Если кто-либо не выплачивал в полном объёме согласованный калым до совершеннолетия невесты, то он имел право получить обратно только ту часть, которая уже была выплачена. В случае отказа жениха от своей невесты он мог вернуть лишь половину ранее уплаченного калыма [4, с. 467–468].

Интересным является свидетельство о том, что при рождении девочки на вопрос «кто родился?» кыргызы отвечали: «кырк жылкы» («сорок кобыл»), что символизировало будущий калым. Обычное право не устанавливало верхнего предела размера калыма, он определялся по договорённости сторон [5, с. 165].

Кроме того, правовая функция традиций проявлялась в их сочетании с общеизвестными морально-этическими принципами. В кыргызском обществе действия, противоречащие традициям, рассматривались как правонарушение и наказывались со стороны общины. Это явление обеспечивало функционирование механизмов правовой социализации, то есть процесса формирования правового поведения с раннего возраста. Следовательно, традиции выступали не только непосредственным источником кыргызского обычного права, но и рассматривались как идеологический фактор, формирующий правосознание и правовую культуру.

Роль коллективного правосознания в формировании обычного права. Г.Б. Айдарбекова, исследуя проблемы формирования национально-правовой культуры в Кыргызстане, отмечает: «Правовая культура отдельной страны, нации, этноса, как правило формируется в процессе противоречивого переплетения различных ценностных ориентаций и способов политико-правового участия граждан, а также национальных традиций, обычаев, способов общественного признания человека и иных обстоятельств, выражающих устойчивые черты цивилизованного развития общества и государства. Сами юридические феномены в национальной правовой системе предстают как культурные ценности в той мере, в какой они признаются народом в его общественном сознании и национальном менталитете» [6, с. 9–10].

Коллективное сознание играет фундаментальную роль в становлении обычного права. В правовой теории оно характеризуется как общее представление и отношение людей к праву, справедливости, долгу и ответственности. Таким образом, на основе коллективного правосознания общество создает нормы, регулирующие правовое поведение, а также выполняет функции контроля и поддержания этих норм.

У народов Средней Азии, в том числе у кыргызов, правосознание носило преимущественно коллективный характер. Оно проявлялось через общественный контроль, обычаи, традиции и ритуалы, которые служили укрепляющей силой для правовых норм. Подобное правосознание позволяло признавать традиции источником права, наделяя их социальной и морально-правовой ценностью.

Опираясь на историко-этнографические материалы, можно отметить, что в кыргызском обществе правовые нормы реализовывались через биев, аксакалов и общину. Они не занимались законотворчеством, а выполняли функцию признания и применения традиций в качестве официальной правовой нормы. Это представляло собой неформальную систему юридической легитимности. Общественное сознание признавало данные нормы законными и использовало их как принудительную силу к исполнению.

Потому что понятия «ар намыс» (честь), «ариет» (достоинство) были глубоко укоренены в сознании каждого человека, рождённого кыргызом, и в большинстве жизненных ситуаций честь ставилась выше личных интересов. Подобные установки отражены в народных пословицах и поговорках: «Лучше потерять имущество, чем потерять голову» («Ашым кор болсо да, башым кор болбосун»), «Зайца губит камыш, а джигита – честь» («Коенду камыш, жигитти намыс өлтүрөт»). Широко распространённым было стереотипное мышление: «Каким я предстану перед народом? Что подумают обо мне другие? Главное не быть отвергнутым обществом». Так, многие женщины, испытывавшие трудности в браке, притеснения со стороны свекрови или насилие со стороны мужа, всё же не возвращались в родительский дом, руководствуясь принципом: «Вышедшая замуж девушка не возвращается назад» («Чыккан кыз чийден тышкары»).

Нормы кыргызского обычного права существовали в народном сознании в полностью сформированном виде. Они возникали из общественного правосознания как отражение общих правовых убеждений и первоначально реализовывались в форме традиций и обычаев. В этот период основными толкователями и интерпретаторами норм обычного права выступали бии. Как отмечается в исследованиях: «Уровень правового сознания и правовой культуры личности отражался через уважение к нормам обычного права и их соблюдение» [7, с. 32].

Функции коллективного правосознания в правовой сфере проявлялись в следующих основных аспектах: в качестве источника правовой легитимности: общество признавало определённую традицию законным и на ее основе формировало правовые нормы; в качестве механизма санкционирования: нарушители обычаев подвергались общественному давлению, наказанию и исключению из социума (например, осмеянию, изгнанию из села, позором – «кара бет») и т.д.; в качестве функции общественного мнения: коллективное правосознание определяло границы социальных норм и формировало стандарты правового поведения.

Формирование моральной основы судебной власти: решения, основанные на традициях, признавались народом как выражение справедливости и способствовали сохранению общественной стабильности. Кроме того, коллективное правосознание способствовало изменению норм обычного права и их адаптации к потребностям народа. Со временем традиционные формы поведения трансформировались, однако их признание обществом зависело именно от уровня коллективного правосознания. Таким образом, коллективное правосознание определяло содержательные и процессуальные аспекты кыргызского обычного права, выступало социальным институтом, признающим и закрепляющим правовые нормы. Данное явление составляло основу процесса правовой социализации и способствовало превращению обычного права в «живую», динамичную систему. Взаимодействие традиций и коллективного правосознания является одним из ключевых механизмов в процессе создания, восприятия и сохранения правовых норм. Данное взаимодействие формировало социально-правовую среду, обеспечивавшую становление, применение и трансформацию кыргызского обычного права. С одной стороны, обычаи представляли собой неписанные нормы поведения, сформировавшиеся как результат исторического, духовного и практического опыта людей. С другой стороны, их юридическая сила и признание обществом напрямую зависели от уровня коллективного правосознания и способности сообщества осознавать правовое значение данных традиций. В кыргызском обществе данное взаимодействие формировало согласованный правовой механизм. Традиции вырабатывались самим сообществом и через коллективное правосознание легитимировались, то есть признавались в качестве официального права. Данный процесс условно проходил следующие этапы:

Преобразование модели поведения в традиции – определенная социальная практика, многократно воспроизводимая, воспринималась обществом как традиция. Оценка и признание со стороны сообщества – возникшая в определённом регионе традиция постепенно укоренялась в среде простого народа и начинал функционировать как норма правового характера. Легитимизация и исполнение – традиции приобретали юридическую силу посредством общественного контроля и санкций (например: публичное осуждение, примирение мирным путём, выплата куна и др.). Традиция рассматривалась не только как модель поведения, но и как правовая обязанность. Его невыполнение квалифицировалось как правонарушение и влекло за собой общественные санкции. Так, в решениях биев широко применялась практика опоры не столько на законы, сколько на народные традиции и общественное мнение. Бии, применяя традиции, учитывали не только саму традицию, но и то значение, которое придавал ей сообщество. Подобные решения воспринимались обществом как обладающие правовой легитимностью и моральной справедливостью. Кроме того, через коллективное правосознание традиции формировали правовые стереотипы и выступали регулятором, заранее воздействующим на поведение людей. Такая ситуация способствовала восприятию соблюдения правовых норм не как морального долга, а как правовой ответственности. В результате взаимосвязь обычаев и коллективного правосознания в правовой системе кыргызского общества приобрела значение, равное закону, и сформировала нормативную основу правового поведения.

Кыргызское обычное право возникло в процессе исторической эволюции народа и сформировалось как традиционная правовая система на основе коллективного сознания. Основу данной системы составляет органическая взаимосвязь традиций и коллективного правосознания. В ходе нашего исследования мы пришли к следующим научным выводам.

-Традиции как источник обычного права в кыргызском обществе сформировались в качестве неписаных, но общеобязательных правовых норм, регулирующих общественный порядок.

-Роль коллективного правосознания заключалась в легитимации правовых норм, их соблюдении и исполнении, выступая эффективным механизмом общественного контроля и санкций.

-Взаимодействие традиций и коллективного правосознания являлось ключевым фактором в процессе создания, восприятия и сохранения правовых норм, определяя содержательную и процессуальную структуру кыргызского обычного права.

-Посредством обычного права правовое поведение членов общества формировалось с детства, а правосознание и правовая культура закреплялись через коллективный опыт.

-Социально-правовая функция традиций заключалась в поддержании общественного порядка, обеспечении справедливости и укреплении социальной стабильности, выполняя роль, сопоставимую с государственными законами.

В заключении можно сказать, что научное исследование и переоценка обычного права повышают актуальность национального правового наследия и вносят ценный вклад в развитие правовой системы Кыргызстана.

Список литературы:

1. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1911. 41 с.
2. Абрамзон С. М. Кыргыз жана Кыргызстан тарыхы боюнча тандалма эмгектер Бишкек 1999. 896 с.
3. Кочкунов А. Этнические традиции кыргызского народа. Бишкек, 2013. 220 с.

4. Боруашов Б. И. Хрестоматия по истории государства и права Кыргызстана. Т. 1. Бишкек, 2008. С. 467-468.
5. Шерова А. О., Шадимуратова А. А., Кумаров Ш. К. Регулирование брачно-семейных отношений в традиционном праве кыргызов // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2021. № 6. С. 161-165.
6. Айдарбекова Г. Б. Проблемы формирования национальной правовой культуры в Кыргызстане // Вестник экономики, управления и права. 2010. №2 (11). С. 9-13.
7. Матеева К. М. Теоретические подходы к изучению обычного права // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2015. Т. 15. №1. С. 31-34.

References:

1. Shershenevich G. F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava. M., 1911. 41 s.
2. Abramzon S. M. Kyrgyz zhana Kyrgyzstan tarykhy boyuncha tandalma emgekter Bishkek 1999. 896 s.
3. Kochkunov A. Etnicheskie traditsii kyrgyzskogo naroda. Bishkek, 2013. 220 s.
4. Borubashov B. I. Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava Kyrgyzstana. T. 1. Bishkek, 2008. S. 467-468.
5. Sherova A. O., Shadimuratova A. A., Kumarov Sh. K. Regulirovanie brachno-semeinykh otnoshenii v traditsionnom prave kyrgyzov // Nauka, novye tekhnologii i innovatsii Kyrgyzstana. 2021. № 6. С. 161-165.
6. Aidarbekova G. B. Problemy formirovaniya natsional'noi pravovoi kul'tury v Kyrgyzstane // Vestnik ekonomiki, upravleniya i prava. 2010. №2 (11). S. 9-13.
7. Mateeva K. M. Teoreticheskie podkhody k izucheniyu obychnogo prava // Vestnik Kyrgyzsko-Rossiiskogo Slavyanskogo universiteta. 2015. T. 15. №1. S. 31-34.

Поступила в редакцию
26.08.2025 г.

Принята к публикации
04.09.2025 г.

Ссылка для цитирования:

Сайпидинов Б. Р. Роль традиций и коллективного правосознания в формировании обычного права кыргызов // Бюллетень науки и практики. 2025. Т. 11. №10. С. 329-335. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/119/42>

Cite as (APA):

Saipidinov, B. (2025). The Role of Customs and Collective Consciousness in the Formation of the Kyrgyz Customary Law. *Bulletin of Science and Practice*, 11(10), 329-335. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/119/42>